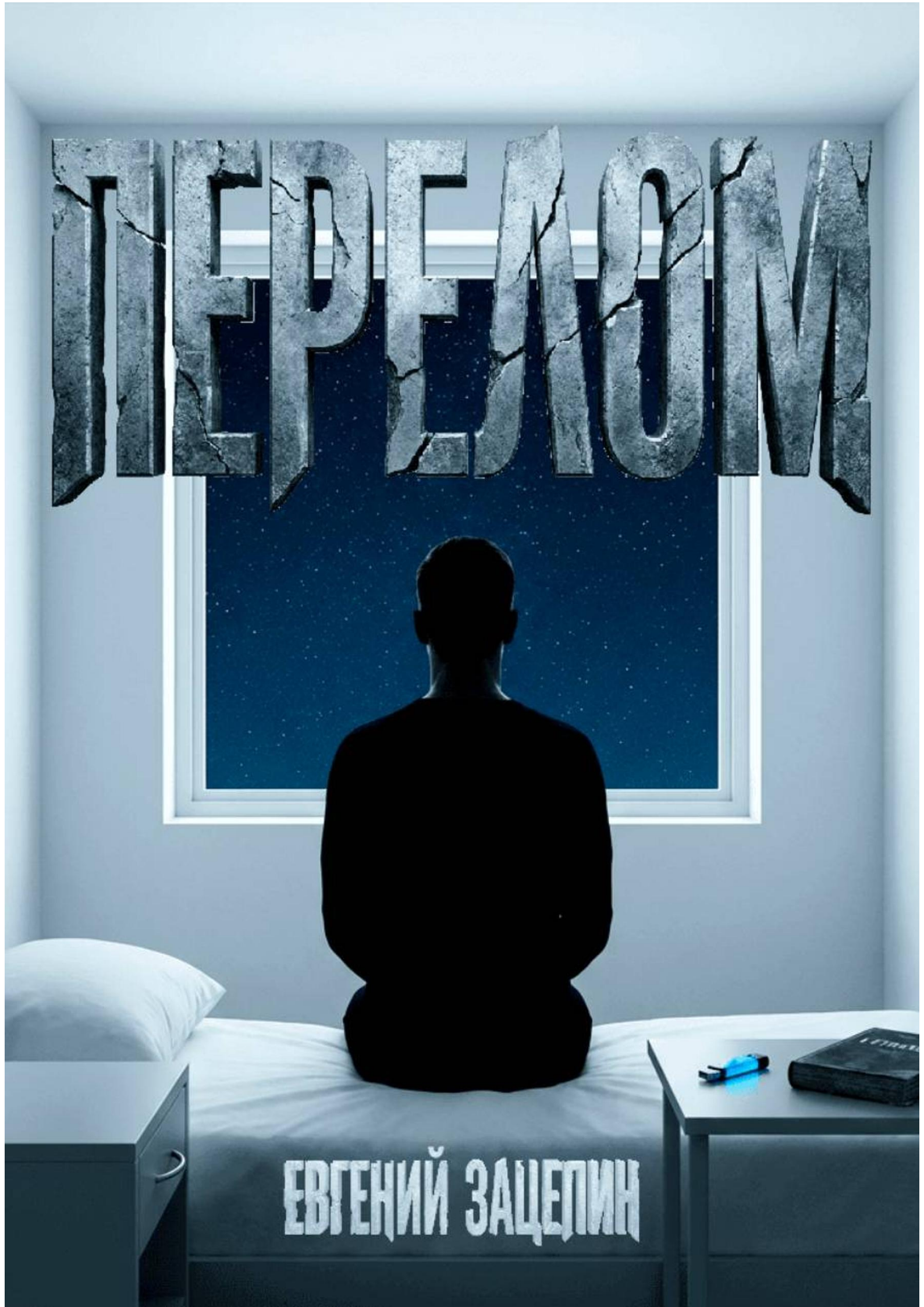

ПЕРЕЛОМ

ЕВГЕНИЙ ЗАЦЕПИН

Евгений Зацепин

Перелом

«Автор»

2026

Зацепин Е.

Перелом / Е. Зацепин — «Автор», 2026

Что остаётся от человека, когда он перестаёт хотеть? Не может выбрать чай. Не может обнять дочь. Не может даже захотеть умереть. 2772 год. Тромсё. «Перелом» — жёсткая, научно-философская драма о том, что происходит с личностью, когда из неё извлекают волю. И о том, можно ли собрать себя заново, глядя на чужую жизнь как на фильм.

© Зацепин Е., 2026

© Автор, 2026

Евгений Зацепин

Перелом

2772. Тромсё. Клиника Регенеративной Неврологии.

Глава 1. Таракан

Комната для семейных консилиумов в Клинике Регенеративной Неврологии Тромсё имеет три стула, один стол и ни одного окна.

Стены — матовый пластик цвета выбеленной кости. На столе — графин с водой, три стакана, монитор, встроенный в поверхность. Света ровно столько, чтобы видеть лица, и ни на люкс больше.

Ларс ждёт.

Он сидит на вращающемся кресле без подлокотников. Белый халат, серая рубашка. Шестидесят лет. Лицо, которое не помнит, когда в последний раз улыбалось. Или помнит, но не хочет рассказывать.

Дверь открывается.

Входят две женщины. Старшая — Сигрид, семьдесят восемь. Платок, пальто не по сезону. Она смотрит на стул, потом на Ларса, потом снова на стул, будто проверяет, не исчез ли он.

Младшая — Нора, девятнадцать. Волосы собраны в пучок. Глаза красные, но сухие. Она не смотрит на Ларса. Она смотрит на дверь, из которой только что вышла.

— Садитесь, — говорит Ларс.

Они садятся. Сигрид — ближе к столу. Нора — дальше, будто готовится к бегству.

— Где третья? — спрашивает Ларс.

— Эльза будет позже, — говорит Нора. — Она не хотела приходить. Я сказала, что должна. Она сказала, что посмотрит записи.

— Понятно.

Ларс нажимает на поверхность стола. Монитор загорается. Показывает срез мозга. Серое на сером. Тени там, где должны быть вспышки.

— Ваш сын, — говорит Ларс, глядя на Сигрид. — Ваш отец, — поворачивается к Норе. — Поступил к нам четырнадцать месяцев назад после аварии на трассе Тромсё — Киркенес. Столкновение с грузовым дроном. Тело восстановили за три недели.

Он делает паузу.

— Мозг восстановили за восемь.

Сигрид не моргает.

— Но он не проснулся, — говорит она. Не вопрос. Утверждение.

— Он проснулся на пятый день, — поправляет Ларс. — Он открыл глаза. Он глотает. Он моргает. Он поворачивает голову на звук. Но он не просыпался в том смысле, который вы имеете в виду.

Он увеличивает изображение. Подсвечивает зону за лобной костью.

— Префронтальная кора. Отвечает за инициацию. За желание. За способность сказать себе: «Я хочу встать».

Он убирает подсветку.

— Она не повреждена. Она мертва.

Нора впервые смотрит на Ларса.

— Мертва — это значит...

— Нейроны есть. Связи есть. Но они не работают. Как двигатель, в который залили воду. Все детали на месте, но он не заведётся.

Ларс наливает себе воды. Не предлагает им.

— У вашего отца нет воли. Вообще. Он не может захотеть пить, даже если его губы трескаются. Он не может захотеть встать, даже если под ним пролежни. Он не может захотеть умереть, даже если бы понимал, что жив.

— Он страдает? — спрашивает Сигрид.

Ларс смотрит на неё. Долго.

— Нет. Страдание требует желания. Желания, чтобы боль прекратилась. У него нет желаний.

— Значит, ему не больно, — говорит Сигрид. В её голосе что-то похожее на облегчение.

— Ему не больно, — соглашается Ларс. — Но и не хорошо. И не спокойно. И не пусто. Пустота — это тоже чувство. У него нет чувств.

Он отставляет стакан.

— Это называется абулический синдром. В старых учебниках — «безволие». Не лень. Не депрессия. Лень можно победить усилием. Депрессию — таблетками. Абулию — нет. Потому что для усилия нужна воля. А её нет.

Нора сжимает край стола.

— И вы ничего не можете?

— Можем. Но не так, как вы думаете.

Ларс встаёт. Подходит к стене. Коснётся пластика — тот становится прозрачным. За ним — реабилитационная палата. Стекло, кровать, капельница. На кровати — мужчина. Открытые глаза. Смотрит в потолок.

— Это он, — говорит Нора. Не спрашивает.

— Это он.

Она смотрит на отца. Он не смотрит на неё. Он смотрит в потолок. Веки не моргают слишком долго. Потом моргают. Потом снова замирают.

— Он нас видит? — спрашивает Сигрид.

— Зрительная кора работает. Сетчатка — да. Он видит пятно света там, где окно. Он не видит вас. Потому что не может направить внимание.

— Направить внимание — это желание, — говорит Нора.

— Да. Ты быстро учишься.

Ларс возвращается на место. Пластик снова становится белым.

— Я расскажу вам одну историю. Не про людей. Про таракана.

Сигрид морщится.

— У таракана нет воли, — говорит Ларс. — Его поведение — цепочка рефлексов. Свет — бежать в темноту. Еда — ползти к еде. Феромоны — искать партнёра. Он не выбирает. Он исполняет.

Он наклоняется вперёд.

— Если вшить таракану в ганглий простой ИИ, он перестанет бояться света. ИИ скажет: «Иди на свет». И таракан пойдёт. Даже если там смертельно жарко. Даже если там нет еды. Он пойдёт. Потому что его рефлексы заменены командой.

— К чему вы ведёте? — спрашивает Нора.

— Ваш отец — таракан. С интеллектом профессора. Он знает, что он таракан. Он понимает, что должен хотеть встать. Он знает, что вы ждёте. Но он не может. Потому что нейроны не зажигаются.

Ларс делает паузу.

— Разница между ним и тараканом — он осознаёт своё бессилие. Таракан не знает, что он раб. Ваш отец знает. И ничего не может с этим сделать. Это первая разница.

Нора закрывает лицо руками. Сигрид не двигается.

— Вы сказали «первая разница», — говорит Сигрид. — Есть вторая?

— Есть. Таракану можно вшить ИИ, и он станет послушным инструментом. Вашему отцу — нельзя. Потому что он человек. А человеческая воля — это не рефлекс. Это архитектура. Её нельзя заменить чипом. Её можно только восстановить. Как кость после перелома.

— Кость срастается, — говорит Сигрид.

— Кость срастается, — кивает Ларс. — Но она уже не будет той, что была. На месте перелома — мозоль. Она прочнее старой кости, но уродливее. И она помнит трещину.

— Вы говорите загадками, — говорит Нора, отнимая руки от лица. — Мы пришли не за загадками.

— Вы пришли за ответом. Я даю его. Ваш отец никогда не станет прежним. Даже если мы восстановим его волю, это будет новая воля. Он будет помнить, что вы его дочь. Но чувствовать это будет иначе. Или не будет вовсе.

Нора смотрит на стену, за которой отец.

— И вы можете это сделать?

— Можем. Есть два пути. Один — создать копию. Зомби, который будет улыбаться вашим улыбкам и пить ваш чай. Второй — помочь ему вырастить новую личность. Он будет смотреть на свою прошлую жизнь как на фильм о другом человеке. Он сможет взять из неё то, что захочет. И отвергнуть остальное.

— А третий? — спрашивает Сигрид.

— Третий — ничего не делать. Он будет лежать. Вы будете кормить его через зонд. Через десять лет он умрёт от пролежней. Это не жизнь. Это хранение тела.

Повисает тишина. Слышно, как гудит вентиляция.

— Кто выбирает? — спрашивает Нора.

— Он, — говорит Ларс. — Только он. ИИ будет работать с его мозгом. Вы будете наблюдателями. У вас нет права голоса.

— Это наш сын, — говорит Сигрид.

— Это его жизнь, — поправляет Ларс. — Ваш сын уже умер как личность. Вы можете оплакать его. Но вы не можете решать, кем ему стать теперь.

Он встаёт.

— Я оставлю вас на десять минут. Вода на столе. Стаканы чистые. Если захотите выйти — дверь открыта.

Он идёт к выходу. Останавливается. Не оборачиваясь:

— Однажды у меня был пациент. Собака. Немецкая овчарка по кличке Рекс. Хозяин выбрал зомби. Рекс улыбался — вы знаете, собаки умеют улыбаться, это язык. Но он не вилял хвостом. Через месяц хозяин попросил усыпить Рекса. Сказал: «Лучше бы он умер».

Ларс открывает дверь.

— Ваш сын не виляет хвостом уже четырнадцать месяцев. Вы готовы смотреть на это ещё год? Или десять?

Он выходит.

Дверь закрывается.

Сигрид смотрит на графин. Нора смотрит на дверь.

Вентиляция гудит.

Глава 2. Перелом

Ларс возвращается ровно через десять минут. Ни секундой раньше, ни секундой позже. Он не смотрит на часы. Он просто знает.

Сигрид сидит на том же месте. Нора стоит у стены, там, где минуту назад был прозрачный пластик. Сейчас стена снова белая.

— Воды? — спрашивает Ларс.

Никто не отвечает.

Он садится. Кладёт на стол тонкий дата-стик. Чёрный, матовый, без опознавательных знаков.

— Я расскажу вам про три способа, которыми ИИ может работать с мозгом. Не называя их по имени. Только функции.

Он касается стика. Над столом всплывает голограмма. Три колонки. В первой — схема нейрона. Во второй — та же схема, но с красной нитью, входящей в тело клетки. В третьей — нить становится синей.

— Первый способ. ИИ наблюдает. Записывает. Анализирует. Он не вмешивается. Это изучение. Мы делаем это всегда, перед любым вмешательством.

Он касается второй колонки.

— Второй способ. ИИ подключается к нейронам. Посылает сигналы. Заставляет тело двигаться. Заставляет мозг чувствовать то, что не чувствуется. Это внедрение.

Сигрид смотрит на красную нить.

— Он будет управлять Эриком?

— Если мы выберем этот путь — да. ИИ станет его волей. Эрик будет делать то, что решит ИИ. Он будет улыбаться, когда ИИ скажет. Пить, когда ИИ запустит программу жажды. Любить, когда алгоритм сочтёт нужным.

— Это зомби, — говорит Нора.

— Это зомби, — соглашается Ларс. — Идеальная копия. Он будет говорить те же фразы. Смотреть теми же глазами. Но внутри — пустота. Потому что его настоящая воля мертва, а новая — не его.

Он касается третьей колонки. Синяя нить пульсирует.

— Третий способ. ИИ не управляет. ИИ восстанавливает. Он ищет сохранившиеся нейроны, помогает им найти новые связи. Не заставляя. Не заменяя. Как врач, который не носит пациента на руках, а учит его ходить заново.

— Это третий вариант, — говорит Сигрид. — Тот, который вы называли «восстановить».

— Да. Но восстановить — не значит вернуть как было. Кость срастается, но перелом остаётся. На месте трещины — мозоль. Она прочнее. Но она уродливее. И она помнит.

Ларс отключает голограмму.

— Я не буду сейчас спрашивать, что вы выбираете. Потому что вы не выбираете. Выбирает Эрик. Я просто хочу, чтобы вы поняли разницу.

Нора садится обратно на стул.

— Вы сказали, что ИИ может заставить его чувствовать. Даже если он не хочет.

— Да.

— А может заставить его захотеть?

Ларс смотрит на неё. Впервые за разговор в его глазах появляется что-то похожее на интерес.

— Нет. Желание нельзя симитировать. Можно заставить тело искать еду. Но нельзя заставить мозг *хотеть* эту еду. Алгоритм может запустить программу «голод». Но Эрик не будет чувствовать голод. Он будет знать, что должен поесть. Это разные вещи.

— Как разные? — спрашивает Сигрид.

— Вы когда-нибудь ели через силу? Когда тарелка стоит, вы не голодны, но надо. Вы жуёте. Вы глотаете. Вы не чувствуете вкуса. Только механику. Вот это — еда без голода. Эрик будет жить без голода. Без жажды. Без любви. Без страха. Он будет знать, что должен бояться. Но не будет бояться.

Ларс наливает себе воду. Пьёт. Ставит стакан.

— Собака, о которой я говорил. Рекс. После того, как хозяин выбрал зомби-режим, Рекс перестал бояться. Его можно было ударить — он не взвизгивал. Можно было оставить одного

в тёмной комнате — он не скулил. Он знал, что должен бояться? Да. В его памяти остались команды «опасность». Но сигнал страха не доходил до тела. Потому что ИИ блокировал его.

— Зачем? — шепчет Нора.

— Чтобы Рекс был удобным. Хозяин хотел, чтобы собака слушалась всегда. Даже когда страшно. А если страха нет — то и слушаться легко. Но хозяин не подумал, что без страха нет и радости. Рекс перестал вилять хвостом. Перестал прыгать при виде поводка. Он просто... был. Ел. Спал. Ходил на прогулку. Как механизм.

Ларс смотрит на Сигрид.

— Вы хотите, чтобы Эрик был удобным?

Сигрид не отвечает.

Нора поднимает руку. Не для вопроса — чтобы остановить. Ларс замолкает.

— Вы сказали, что есть три способа. Изучение, внедрение, восстановление. А есть четвёртый?

— Есть. Апгрейд.

— Что это?

— Улучшение. ИИ не просто восстанавливает — он усиливает. Нейроны, которые работали плохо, начинают работать лучше. Связи, которых не хватало, появляются. Эрик сможет быстрее принимать решения. Лучше запоминать. Тоньше чувствовать.

— Это же хорошо, — говорит Нора.

— Хорошо, — кивает Ларс. — Если у вас есть что улучшать. А у Эрика нет ничего. Его воля мертва. Улучшать нечего. Апгрейд мёртвой воли — это как наращивать мышцы труп.

Он откидывается на спинку кресла.

— Поэтому мы начинаем с восстановления. Если нейроны оживут — тогда можно будет говорить об апгрейде. Но не раньше.

Сигрид смотрит на дверь, за которой сын.

— А регенерация? Вырастить новые нейроны? Вы говорили, что технологии есть.

— Есть. Мы можем вырастить новый участок коры. По ДНК. По чертежам. Но новые нейроны — это не старые воспоминания. Это не старые чувства. Это чистый лист. Эрик с новыми нейронами — это Эрик, который не помнит ничего. Ни вас. Ни дочь. Ни Эльзу.

— А если мы загрузим воспоминания? — спрашивает Нора. — У нас есть архив. Фото. Видео. Записи.

Ларс медленно кивает.

— Загрузить можно. Но загруженные воспоминания — это не пережитое. Это фильм, который показывают чужому человеку. Он посмотрит ваше первое фото. И скажет: «Я знаю, что это моя мать. Но я не чувствую тепла». Он посмотрит ваше видео с дня рождения. И скажет: «Я знаю, что должен смеяться. Но мне не смешно».

Нора сжимает кулаки.

— Это хуже, чем ничего.

— Да. Это хуже, чем ничего. Потому что он будет знать, что потерял. Но не сможет горевать. Горе — это тоже желание. Желание, чтобы прошлое вернулось. А он не сможет желать.

В комнату заходит третья.

Эльза.

Никто не слышал, как открылась дверь. Она стоит на пороге. Чёрное пальто. Волосы собраны так же, как у Норы. Смотрит на Ларса. Потом на Сигрид. Потом на пустой стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.